

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 821.161.1-31+811.161.1`42+811.161.1`38
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444+Ш141.12-51+Ш141.12-55

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Наталья Борисовна Руженцева¹✉, Эдуард Владимирович Будаев²✉, Елена Анатольевна Нахимова³✉

^{1,2,3} Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

¹ verbalis@mail.ru✉, SPIN-код: 97535994

² aedw@mail.ru✉, SPIN-код: 7149-2238

³ nakhimova@gmail.com✉, SPIN-код: 2983-5495

Лики власти в литературе и публицистике: от портрета градоначальника к портрету современного чиновника

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена видам и речевым средствам создания комического, используемым при создании портретов представителей властных структур в литературе (портреты градоначальников в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина) и в публицистике (портреты чиновников в современных СМИ). Авторы статьи сделали попытку реконструировать портреты градоначальников с опорой на феномен точки зрения. Четыре основные точки зрения представлены в произведении средствами политической сатиры. В целом обобщенный лик власти как некоей однородной и негативно настроенной по отношению к глуповцам структуры складывается из совокупности точек зрения на фигуры градоначальников и разнообразных портретных характеристик (внешности, речи, поведения, психологических особенностей и др.). Сатирическое изображение представителей власти достигается такими приемами текстообразования, как фантастичность, абсурдность, гиперболичность, саркастичность, гротескность, аллегоричность образов, пародийность, повышенная степень негативной оценочности. В свою очередь, для реконструкции публицистических портретов представителей власти авторы статьи обращаются к текстам, посвященным губернатору Вологодской области и А. Чубайсу, и таким видам комического, как юмор и ирония. В качестве основы для исследования юмора взяты три признака юмористического дискурса, выделенные В. И. Карасиком. Анализ текста публикации, посвященной губернатору, показал, что авторское намерение уйти от серьезного разговора заложено уже в заголовочном комплексе; юмористическая тональность создается рядом речевых средств; а смеховое поведение, принятное в национальной культуре, препрезентировано а) прецедентными феноменами, соотносимыми с русской историей и фольклором; б) апелляциями к местной специфике; в) фоном устойчивых оборотов, закрепившихся в русском языке. Авторы статьи приходят к выводу о том, что текстовое представление однотипного содержания (фигуры представителя власти) в художественном и публицистическом текстах может иметь как сходство, так и различия. К сходным чертам можно отнести полифоничность текстов. К различиям относятся употребление широкого спектра литературных приемов в художественном тексте и широкое обыгрывание в публицистике фигуры представителя власти в национальных ситуациях смехового общения, а также высокая степень дискретности публицистического текста и потенциальные возможности его визуального ряда.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, медиаобразы, российские СМИ, политический дискурс, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, литературные образы, романы, портрет политика, художественные тексты, комическое, М. Е. Салтыков-Щедрин, сатира, юмор, ирония, градоначальники, чиновники.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и РКИ, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: verbalis@mail.ru.

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и РКИ, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: aedw@mail.ru.

Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и РКИ, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: nakhimova@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Руженцева, Н. Б. Лики власти в литературе и публицистике: от портрета градоначальника к портрету современного чиновника / Н. Б. Руженцева, Э. В. Будаев, Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 107-116.

Natal'ya B. Ruzhentseva¹✉, Eduard V Budaev²✉, Elena A. Nakhimova³✉

^{1,2,3} Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

¹ verbalis@mail.ru✉, SPIN code: 97535994

² aedw@mail.ru✉, SPIN code: 7149-2238

³ nakhimova@gmail.com✉, SPIN code: 2983-5495

Faces of Power in Literature and Journalism: From the Portrait of a Mayor to the Portrait of a Modern Official

ABSTRACT. The article deals with the types and verbal means of creation of comic portraits of representatives of government structures in literature (portraits of mayors in the "Foolsburg: The History of a Town" by M.E. Saltykov-Shchedrin) and in journalism (portraits of officials in modern media). The authors of the article made an attempt to reconstruct the portraits of the mayors in the above mentioned novel based on the phenomenon of point of view. Four main points of view are presented in the book by means of political satire. On the whole, the generalized image of the power as a homogeneous structure negatively disposed towards the residents of Foolsburg is made up of a set of points of view on the figures of the mayors and various portrait characteristics (appearance, speech, behavior, psychological traits, etc.). The satirical portrayal of government officials is achieved via such text generating techniques as fantasticality, absurdity, hyperbolicity, sarcasm, grotesque, allegorical imagery, parody, and heightened negative evaluation. In turn, to reconstruct the publicistic portraits of government officials, the authors of the article turn to texts dedicated to the governor of Vologda Region and A. Chubais, and to such types of the comic as humor and irony. Three features of humorous discourse, singled out by V.I. Karasik, are used as the basis for the study of humor. The analysis of the text of the publication dedicated to the governor showed that the author's intention to avoid a serious conversation is already present in the headline complex of the publication; the humorous tone is created by a complex of verbal means; and the laughing traditions adopted in the national culture are represented by a) precedent phenomena correlated with Russian history and folklore; b) appeals to local specificity; c) a nomenclature of stable phrases established in the Russian language. The authors of the article come to the conclusion that textual representations of typical content (the figure of a representative of power) in literary and journalistic texts may have both similarities and differences. Similar features may include textual polyphony. Differences are likely to encompass the use of a wide range of literary techniques in a fiction text and a versatile presentation of the figure of a representative of power in journalism in national laughable communicative situations, as well as a high degree of discreteness of the journalistic text and a heightened potential of its visual aspect.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, media images, Russian media, political discourse, Russian writers, literary creative activity, literary genres, literary images, novels, portrait of a politician, fiction texts, the comic, M.E. Saltykov-Shchedrin, satire, humor, mayors, officials.

AUTHOR'S INFORMATION: Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Nakhimova Elena Anatolyevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Ruzhentseva N. B., Budaev E. V., Nakhimova E. A. (2025). Faces of Power in Literature and Journalism: From the Portrait of a Mayor to the Portrait of a Modern Official. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 107-116. (In Russ.).

В самом общем виде под комическим понимается явление, вызывающее смех. Толкование комического в художественной литературе и в публицистике во многом восходит к толкованию смешного А. Шопенгауэром: «Источником смешного всегда служит парадоксальное и поэтому неожиданное подведение под понятие в остальном ему гетерогенное, и феномен смеха означает таким образом всегда внезапное понимание несоответствия между таким понятием и мыслимым в нем реальным объектом, т. е. между абстрактным и созерцаемым...» — и далее: «...источник смешного — несовпадение мыслимого и созерцаемого» [Цит. по: Зарецкая 1998: 407–408]. На художественном и публицистическом воспроизведении комического основываются и формы комического: сатирика, юмор, ирония.

Целью данной статьи является обобщение средств создания комического эффекта, использованных М. Е. Салтыковым-Щедриным при создании портретов градоначальников в «Истории одного города», и портретов

чиновников в современной публицистике («Комсомольская правда», «Экспресс-газета»). Подчеркнем, что текст М. Е. Салтыкова-Щедрина выбран для анализа именно из-за его публицистичности, спр.: «Щедрин продемонстрировал другую сторону явления, а именно то, что сатира может сливаться с публицистикой, оставаясь высоким искусством, сохраняя всю доказательную силу образа, и быть лишенной нравоучительной дидактики и прописей» [Плоткин 1960: 15]. С нашей точки зрения, именно синкретичный текст позволяет более корректно сопоставить текстовые репрезентации комического в разных форматах дискурса.

Портреты представителей властных структур еще в XIX в. активно создавались российскими писателями и поэтами в стихотворной и прозаической форме (Н. Гоголь — «Ревизор», «Мертвые души»; Н. Некрасов — «Размышления у пародного подъезда», М. Салтыков-Щедрин — «Помпадурьи и помпадурши», «Господа ташкентцы» и др.). Уже в пушкинской «Истории села Горюхина»

«были элементы, предвещавшие будущего Щедрина и его шедевр — „Историю одного города“» [Плоткин 1960].

К портретам градоначальников (высших чиновников в дореволюционной России) обращался ряд исследователей творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина [см., например: Горячева 1976; Макашин 1949]. Со своей стороны, мы попытаемся реконструировать эти портреты с опорой на феномен точки зрения — «центральной проблемы композиции произведения искусства — объединяющей самые разные виды искусства» [Успенский 1995: 9]. Наиболее релевантной для реконструкции портрета градоначальника является идеологическая (или оценочная) точка зрения, представленная посредством приемов политической сатиры: «Не только город Глупов, но и каждый образ романа полон глубокого политического смысла, зашифрованного эзоповским языком сатиры. Город Глупов — олицетворение самодержавной России... Его правители воплощают в себе конкретные черты исторически достоверных, живых правителей, но черты эти доведены „до логического конца“, гиперболизированы» [Горячева 1976: 47].

В конце XX — начале XXI в. текстовое представление лицов власти уверенно перешло из литературы в публицистику. Для воплощения фигуры политика стали широко использоваться такие формы комического, как ирония и юмор. В отличие от сатиры, юмор «видит в своем объекте какие-то стороны, не вступающие в противоречие с идеалом. Объект юмора, заслуживая критики, все же сохраняет свою привлекательность. Юмор, утверждая сущность явления, стремится его совершенствовать, очищать от недостатков, помогая полнее раскрываться всему общественному, ценному. Юмор — смех дружелюбный, хотя и не беззубый» [Словарь литературоведческих терминов 1974]. Что касается такой формы комического, как ирония, то основным критерием разграничения юмора и иронии «следует считать доминирующую цель: в шутке это юмор, развлечение, в иронии — насмешка...» [Ляпун 2009: 188]. Как следствие, ирония отличается от юмора высокой степенью негативной оценочности: «Ирония — это осмеяние, содержащее в себе оценку того, что осмеивается, одна из форм отрицания. Отличительным признаком иронии является двойной смысл... Осмеиваться может как сущность предмета, так и отдельные его стороны» [Словарь лингвистических терминов 1974]. Как ирония, так и юмор соотносятся с текстами художественного, публицистического и политического форматов дискурса,

что было отмечено целым рядом исследователей [Ворошилова 2010; Желтухина 2000; Зарецкая 1998; Шилихина 2014 и др.].

Именно средствами политической сатиры представлены четыре основные точки зрения на фигуры правителей у М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это точка зрения автора-повествователя, точка зрения летописцев («летопись ведена преемственно четырьмя городовыми архивариусами и обнимает период времени с 1771 по 1825 год»), самохарактеристика (точка зрения градоначальника на самого себя) и точка зрения жителей города Глупова. Наложение и совмещение этих точек зрения лежат в основе совокупного облика власти в городе Глупове. Для анализа феномена точки зрения использована группа методов: общенаучный аналитико-описательный метод, а также методы контекстуального анализа, стилистического анализа, жанрового анализа и интерпретативный метод. В свою очередь, для исследования юмора и иронии как форм презентации комического в современных публицистических портретах чиновников использованы лингвостилистический и лингвопрагматический методы, а также семиотический метод, предполагающий обращение к креолизованным текстам.

ПОРТРЕТЫ ГРАДОНАЧАЛЬНИКОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Точка зрения автора-повествователя

Точка зрения автора-повествователя в «Истории одного города» неоднородна. Она включает в себя различные портретные характеристики: внешность, речь, поведение, психологические черты, деятельность на посту градоначальника, а также портрет-намек, портрет-аллюзию, портрет-ярлык и сопоставительный портрет.

Внешний портрет

• В городском архиве до сих пор сохранился портрет Угрюм-Бурчееева. Это мужчина среднего роста с каким-то деревянным лицом, очевидно, никогда не освещавшимся улыбкой. Густые, остриженные под гребенку и как смоль черные волосы покрывают конический череп и плотно, как ермолка, обрамляют узкий и покатый лоб. Глаза серые, впавшие, осененные несколько припухшими веками; взгляд чистый, без колебаний; нос сухой, спускающийся от лба почти в прямом направлении книзу; губы тонкие, бледные, опущенные подстриженной щетиной усов; челюсти развитые, но без выдающегося выражения плотоядности, а с каким-то необъяснимым букетом готовности раздробить или перекусить пополам... Одет в военного покроя сюртук, застегнутый на все пуговицы...

Поведенческий портрет

- Он (Фердыщенко) ни во что не вмешивался, довольствовался умеренными данями, охотно захаживал в кабаки покалывать с целовальниками, по вечерам выходил в замасленном халате на крыльце градоначальнического дома и играл с подчиненными в носки, ел жирную пищу, пил квас и любил уснащать свою речь ласкательным словом «братик-сударик».

Верbalный речевой портрет (речевые жанры угрозы и команды)

- На нем (градоначальнике) был надет лейб-кампанийский мундир; голова его была сильно перепачкана грязью и в нескольких местах побита. Несмотря на это, он ловко выскоцил из телеги и сверкнул на толпу глазами.

— **Разорю!** — загремел он таким оглушительным голосом, что все мгновенно притихли...

— **Зачинщики, вперед!** — скомандовал градоначальник, все более возвышая голос.

Неверbalный речевой портрет

- По временам, однако ж, на лице его показывалась какая-то **сомнительная улыбка**, которая не предвещала ничего доброго.

Психологический портрет

- Он был **ужасен**; но сверх того, он был краток и с изумительной ограниченностью соединял непреклонность, почти граничившую с идиотством. Никто не мог обвинить его в воинственной предприимчивости, как обвиняли, например, Бородавкина, ни в порывах безумной ярости, которым были подвержены Брудастый, Негодяев и многие другие. Страстность была вычеркнута из числа элементов, составлявших его природу, и заменена непреклонностью, действовавшею с регулярностью самого отчетливого механизма... Голая решимость — и ничего более.

«Деятельностный» портрет

(действия градоначальника в качестве представителя власти)

- **Новый градоначальник** заперся в своем кабинете, не ел, не пил и все что-то скреб пером. По временам он выбегал в зал, кидал письмоводителю кипу исписанных листов, произносил: «Не потерплю!» — и вновь скрывался в кабинете. Неслыханная деятельность вдруг закипела во всех концах города; частные приставы поскакали; квартальные поскакали; заседатели поскакали... Хватают и ловят, секут и порют, описывают и продают... А градоначальник все сидит и выскребает все новые и новые понуждения.

Портрет-намек (отсылки к прецедентным ситуациям)

- Отсылка к восхождению на престол Елизаветы и Екатерины II с помощью гвардии:

Новая претендентша имела высокий рост, любила пить водку и ездила верхом по-мужски. Без труда склонив на свою сторону четырех солдат местной инвалидной команды и будучи тайно поддерживаема польской интригою, эта бездельная проходница овладела умами почти мгновенно.

Портрет-аллюзия (отсылки к прецедентным текстам)

- Отсылка к античной истории:

«Несмотря на добродушие Менелая, — говорил учитель истории, — никогда спартанцы не были столь счастливы, как во время осады Трои; ибо хотя многие бумаги остались неподписанными, но зато многие же спины пребыли невыстеганными, и второе лишение с лихвой вознаградило за первое...»

— **Нет-с!** это не так-с! — говорил Бородавкин, расхаживая в волнении по избе и возражая невидимому собеседнику, — надо, чтобы все было подписано-с! и все было бы выстегано-с! Вот это порядок-с!

- Отсылка к фольклору:

Наверное, обнаружилось бы, что происхождение этой легенды чисто административное и что Баба-яга была не что иное, как градоправительница или, пожалуй, посадница, которая, для возбуждения в обычайках спасительного страха, именно этим способом путешествовала по деревенскому ей краю, причем забирала встречавшихся по дороге Иванушек и, возвращавшихся домой, восклицала: «Покатаюсь, поваляюсь, Иванушкина мясца поевши».

Портрет-ярлык

Оценочная функция ярлыков связана прежде всего с дискредитацией оппонента. «Прием „наклеивания ярлыков“ — это использование слов негативной окраски с целью дискредитировать идеи, планы, личности, вызвать чувство предубеждения, страха, ненависти, не прибегая к объективной оценке или анализу» [Цуладзе 1999: 86–87]. С нашей точки зрения, в «Истории одного города» ярлык является своеобразным мини-портретом, дискредитирующая функция которого усиливается в контексте. В качестве ярлыка функционирует, например, слово **«идиот»**, ср.: *Портрет этот производит впечатление очень тяжелое. Перед глазами читателя восстает чистейший тип идиота*, принявшего какое-то мрачное решение и давшего себе клятву привести его в исполнение... Обыкновенно противу идиотов принимаются известные меры, чтоб

оны, в неразумной стремительности, не все опрокидывали, что встречается им на пути. Но меры эти почти всегда касаются только простых *идиотов*; когда же признаком к *идиотству* является власть, то дело ограждения общества значительно усложняется... Вот это-то отверженное и вполне успокоившееся в самом себе *идиотство* и поражает зрителя в портрете Угрюм-Бурчееева.

По функциональной значимости к ярлыкам близки говорящие фамилии и клички градоначальников: Прыщ, Бородавкин, Негодяев, Угрюм-Бурчееев, Грустилов, Перехват-Залихватский, Брудастый (Органчик), которые точно определяют как социальную, так и психологическую сущность персонажей М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Портрет-самохарактеристика

(взгляд градоначальника на самого себя)

— Я человек простой-с, — говорил он одним, — я не для того сюда приехал, чтоб издавать законы-с. Моя обязанность наблюдести, чтобы законы были в целости и не валялись по столам-с. Конечно, и у меня есть план кампании, но этот план та-ков: отдохнуть-с!

Портрет может иметь и комплексный характер, соединяя в авторской точке зрения внешнюю, поведенческую, деятельностную и другие характеристики градоначальников.

Точка зрения летописцев

1. Краткие негативно-оценочные характеристики, данные летописцами в «Описи градоначальникам»:

• Фердыщенко Петр Петрович, бригадир. Бывший денщик князя Потемкина. При не весьма обширном уме был косноязычен. Недоумки запустил, любил есть буженину и гусь с капустой. Во время его градоначальствования город подвергся голоду и пожару. Умер в 1779 году от объедения.

• Прыщ, майор Иван Пантелеевич. Оказался с фаршированной головой, в чем и уличен местным предводителем дворянства. И т. д.

2. Мнение летописца о ведущих чертах характера градоначальника:

• И действительно, Фердыщенко был до того прост, что летописец считает нужным неоднократно и с особеною настойчивостью остановиться на этом качестве, как на самом естественном объяснении того удовольствия, которое испытывали глуповцы во время бригадирского управления... «Прост он был — поясняет летописец, — так прост, что даже после стольких бедствий простоты своей не оставил».

3. Мнение летописца о деятельности градоначальника и ее результатах:

- Молодые все до одного разбежались. «Бежали-бежали, — говорит летописец, — многие, ни до чего не добежав, венец приняли; многих изловили и заключили в узы; сии почитали себя благополучными».

Точка зрения летописца часто совмещается с точкой зрения автора повествования, они пересекаются, взаимодействуют, дополняя друг друга, но никогда не находятся в отношениях противопоставления и противоречия.

Точка зрения жителей города Глупова

Точка зрения (реакция на действия градоначальника) жителей города Глупова может содержать в себе как положительную, так и отрицательную оценку действий градоначальника (умения/неумения говорить публично, степени притеснения глуповцев и др.), а также его общественно-политической позиции. Точка зрения глуповцев — это не только характеристика градоначальника, но и самохарактеристика, отражающая менталитет жителей как порождение уклада их жизни под властью градоначальников.

Пример отрицательной оценки градоначальника:

- Как ни воспламенились сердца обычательей по случаю приезда нового начальника, но прием его значительно расхолодил их.

— Что ж это такое! — фыркнул и затылок показал! Нешто мы затылок не видали! А ты по душе с нами поговори! Ты лаской-то, лаской-то пронимай! Ты пригрозить-то пригрози, а потом и помилуй! — так говорили глуповцы и со слезами припоминали, какие бывали у них прежде начальники, все приветливые, да добрые, да красивчики — и все-то в мундирах!

Пример положительной оценки градоначальника:

- В первый раз свободно вздохнули глуповцы и поняли, что жить «без утеснения» не в пример лучше, чем жить «с утеснением»:

— Нужды нет, что он парадов не делает да с полками на нас не ходит, — говорили они, — зато мы при нем, батюшке, свет узрили! Теперича, вышел ты за ворота: хошь — на месте сиди; хошь — куда хошь иди! А прежде сколько одних порядков было — и не приведи бог!

Таким образом, обобщенный лик власти в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина предстает как некая однородная субстанция, негативно настроенная по отношению к простым людям:

- Когда он (Бородавкин) взглянул на скрижали, то так и ахнул. Вереницею прошли перед ним: и Клементий, и Великанов, и Ламбрекакис, и Баклан, и маркиз де Санглот, и Фердыщенко... Вот вышла из мрака одна

тень, хлопнула: раз-раз! — и исчезла неведомо куда; смотришь, на место ее выступает другая тень. И тоже хлопает как попало, и исчезает... «Раззорю!», «Не потреплю!» — слышится со всех сторон, а что раззорю, чего не потреплю — того разобрать невозможно. Рад бы посторониться, прижаться к углу, но ни посторониться, ни прижаться нельзя, потому что из всякого угла раздается все то же «раззорю!», которое гонит укрывающегося в другой угол и там в свою очередь опять настигает его. Это была какая-то дикая энергия, лишенная всякого содержания...

В плане текстообразования лик власти складывается из совокупности точек зрения на фигуры градоначальников и разнообразных портретных характеристик. В свою очередь, сатирическое изображение представителей власти достигается такими средствами, как фантастичность, абсурдность, гиперболичность, саркастичность, гротескность, аллегоричность образов, пародийность, повышенная степень негативной оценочности.

ПОРТРЕТЫ ЧИНОВНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Обратимся к юмористическому представлению фигуры губернатора Вологодской области в публикации В. Ворсобина «Найден рецепт народного счастья на Руси: Водку убрать, олигархов прижать, Сталина вернуть» (КП 20.01.2025. <http://dzen.ru/a/Z43LmfIZNQzJlmxC>). В этой публикации фигура губернатора, как и фигуры градоначальников у М. Е. Салтыкова-Щедрина, представлена с разных точек зрения (автора — журналиста, жителей Вологодчины, местных чиновников и СМИ, а также посредством самохарактеристики). Как следствие, публикация имеет полифонический характер [Бахтин 1963], однако комический эффект создается не столько наложением и пересечением точек зрения, сколько спецификой текстовой ткани публикации.

В качестве основы для анализа текстовой ткани мы взяли три основные признака юмористического дискурса, выделенные В. И. Карасиком: «Юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения. Характерными признаками такой ситуации являются, на наш взгляд, следующие моменты: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора; 2) юмористическая тональность общения, т. е. стремление сохранить дистанцию; 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре» [Карасик 2002: 252].

Коммуникативное намерение уйти от серьезного разговора заложено уже в заголовочном комплексе публикации о вологодском губернаторе Г. Ю. Филимонове. Подобный заголовочный комплекс представляет собой своеобразное «речевое лицедейство, опрокидывание устоявшихся стереотипов восприятия и поведения» [Карасик 2014: 251]:

ЗАГОЛОВОК: Найден рецепт народного счастья на Руси: Водку убрать, олигархов прижать, Сталина вернуть.

ВНУТРЕННИЕ ЗАГОЛОВКИ:

Молодой. Перспективный. Во френче

От викингов до Берии

Суровый чемпион

Мечта о трезвости

В безумном темпе

Пятилетки искренности

Лучше варяги, чем пустые клетки

Про памятник вождю

«**Опрокидывание устоявшихся стереотипов**» поддерживается авторским комментарием-характеристикой: *Ведь все, что связано с главой Вологодчины, почти невероятно, почти невозможно и почти восхитительно. Самый экстравагантный губернатор на Руси, решивший править губернией — не как все. А экспериментально. Эффективно. По-новому.*

Юмористическая тональность общения создается целым комплексом речевых средств. Об этих средствах неоднократно писали исследователи языка литературы и публицистики, ср., например, мнение о синтаксическом потенциале юмористических высказываний: «Юмористическое впечатление создается таким расположением слов и фраз в структуре текста, когда возникает своеобразный разрыв между художественной речью и содержанием информации, т. е. пафосно-важное и даже возвеличенно-приподнятое повествование не соответствует тому, что изображается, — прозаизму, пошлости, мелочности жизненных ситуаций» [Язык Н. В. Гоголя: 145]. Обратимся к репертуару речевых средств разных уровней языковой системы, использованных в публикации В. Ворсобина для создания юмористического эффекта.

• Разговорная лексика, в том числе — разговорные наименования лица:

- Последний из «северстальских» губеров;
- «Телега» вологодского губера била пулеметом с раннего утра до глубокой ночи...
- Наша задача — убрать наливайки с первых этажей.

• Намеренное нарушение лексической сочетаемости:

- Губернатор грамотно опаздывал;
- А ночью мне из его пулемета-канала прилетает песня;
- Очнулся от зловещей тишины;
- Странная, стерильная тишина.
- Вторжение атрибуции в чужое смысловое поле, подведение признака под гетерогенное понятие:
 - **Барабанно-вдохновляющая** инаугурация;
 - **Идейно безупречный кабинет** Филимонова;
 - И, говорят горожане, что **трагательный губернатор** тайком носит туда цветы.
- Парадоксальные высказывания:
 - Но для Белых это кончилось разочарованием. **Либерал-губернатор расслабился, плюнул в народ и сел в тюрьму**;
 - Планы экономического развития области тут пишут столпы российского консерватизма — Сергей Глазьев и Михаил Хазин (они нашли очень **свежее решение** — а если, мол, планировать народное хозяйство «пятилетками»?!)
- Метафоры:
 - И профессор Филимонов в Вологде **«раскрылся»**. Засверкала скромная область на новостных лентах. Причем так, что даже **Москва не много опешила**;
 - (Никита Белых) в Кировской области так же **«окунулся» в народ**, пытаясь войти к нему в доверие;
 - С первых дней гигантская **«Северсталь»** и смелый губернатор **кружат в боевом танце шпилек и уколов**.
- Сравнения, в том числе парадоксальные:
 - Аудитория варилась в собственном соку, **томилась, как рождественский гусь в духовке**;
 - Впечатление, что любая починенная в области труба, покрашенный подъезд или лавочка — это **гарантированный удар по твоему мобильнику**;
 - Это до боли напоминало первые годы другого губернатора-экспериментатора — Никиты Белых, который в Кировской области **так же «окунулся» в народ**, пытаясь войти к нему в доверие...
 - Свой кабинет Филимонов превратил то ли в капище, то ли в святилище Консерватизма. Здесь залетный либерал обязан **скрежиться** и испепелиться, как вампир на солнце;
 - В приемной губернатора, **похожей на комнату настоящего пацана...** и находится место силы Русского Мира;
 - Увольнения **напоминают то ли кровевую бомбардировку, то ли зачистку врагов народа**.
- Метаоператоры:
 - Именно поэтому зал, где я впервые увидел Филимонова, нервно ожидал — откуда он, **прости Господи, появится**.
- Интенсификаторы:
 - **Метеором облетев** всю необъятную область, побывав чуть ли не в каждой деревне, новый губер завел телеграм-канал, и сам (**сам!**) принялся общаться с народом. Причем с **такой яростью**, что, подписавшись на Филимонова, я быстро пожалел;
 - С одной стороны — это давало возможность обратиться к главе с вопросом или жалобой, с другой — **черт побери, сто сообщений в день?!**
- Ай-стопперы (написания с заглавной буквы для привлечения внимания читателя):
 - Тут я, наконец, почувствовал Дух Новой Вологодской власти;
 - ...открытый философский Космос Огненного Проханова.
- Парцелляция:
 - Там (в приемной) уже сидел его сменщик. **Молодой. Перспективный. Филимонов**;
 - А вот в Вологде интересно. Тут обратный эксперимент. **С ультраконсерватором. В духе нашего шоу-времени**;
 - И вот, наконец, губернатор перед нами. **Во френче**.
- Несобственно-прямая речь (в приведенном контексте в сочетании с просторечным словом «шибко» и отсылкой к мему «Денег нет, но вы держитесь», а также к устойчивому выражению: «Суров, но справедлив»):
 - Сосед успокаивает, **мол**, губернатор строгий, но отходчивый. Чуть ли не каждое, **дескать**, выступление он так гневается. **Суров**. Следит внимательно — чтоб все слушали. **Шибко** дисциплину любит. Вот только на совещаниях выступает **шибко** долго. Может и час, и два... **Но мы ничего — держимся!**
- Короткие предложения, разговорные конструкции:
 - Ты подскакиваешь. Ты заинтригован. **Где! Ну где же?!**

Наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной культуре

Смеховое поведение, принятое в русской национальной культуре, представлено в данной публикации: а) разнородными прецедентными феноменами, соотносимыми с русской историей и фольклором; б) апелляциями к местной (вологодской) специфике; в) фоном устойчивых оборотов, закрепившихся в русском языке, ср.:

- Прецедентные феномены (антропонимы):
 - *Портреты Берии, Дзержинского, статуя Ивана Грозного, картина «Сталин пожимает Филимонову руку». Причем на картине губернатор в сталинском френче (в нем он ходит на работу) и смотрит на вождя для 21 века смело. С обожанием.*
- Апелляции к местной специфике:
 - *Местные остряки называли областную власть — филиалом заводского управления. Иногда казалось, что «Северсталь» и есть Вологодская область;*
 - *Выходцы из Череповца — славились не только хозяйственной основательностью, но и купеческой скрупульностью;*
 - *В ответ в «северстальских» телеграм-каналах — насмешки. Мол, при новой власти в области — одно шоу, а меж тем казна пуста, министры разбегаются.*
- Фразеологический фонд (устойчивые единицы используются в готовом и трансформированном виде): *пришли новые времена, отеческая жалость (к губернатору), до боли напоминало, пытаться войти (к народу) в доверие, наладить с ним блогерскую связь, до чего потомков довели, ястребом смотрит в мой неприметный уголок, грозно обводит взглядом зал, на святое замахнулись, толпой повалили в приемную губернатора, поглазеть на диво-дивное.*

Таким образом, юмористический эффект достигается не только многоголосием текстовой ткани публикации, но и самой ее спецификой, предполагающей перманентную реализацию трех основных признаков юмористического дискурса. Фигура губернатора как бы растворяется в ситуации смехового общения, дается на общем смеховом фоне, который образуют журналисты, зрители, пришедшие на инаугурацию, жители Вологодчины, другой «губернатор-экспериментатор» Никита Белых, телеграм-каналы и др. Осмеяние не связано с общей негативной оценкой губернатора — ему подвергаются лишь отдельные смешные, с точки зрения

автора текста, черты. Автор-журналист не испытывает негодования, он скорее подшучивает над представителем власти, ср., например: *«Во время недавней инаугурации, например, — обычно формальной, нафтalinно-торжественной, губернатор выпрыгнул из фойе. И под песню «Алисы» «Небо славян» прошел сквозь зрителей, молотя кулаками мускулистую грудь. Так красиво выходят на ринг боксеры и американские политики (Смотрю биографию и точно — Филимонов боец. Хоть немножко и артист).*

Ограниченный объем статьи не позволяет нам обратиться к феномену иронии, используемой для реконструкции ликов власти в литературе и публицистике. Однако можно утверждать, что ирония как в литературе, так и в современной публицистике выполняет одну главную цель — «не вызвать смех, а вызвать отношение к объекту иронии, в то время как у шутки именно смех и является целью» [Ермакова http]. «Именно насмешка является отличительной функцией иронии, хотя, конечно, не каждая насмешка содержит в себе иронию и не любая ирония представляет собой насмешку» [Ляпун 2009: 117]. Как следствие, иронические высказывания имеют очень высокую степень негативной оценочности. Кроме того, специфика текстовой репрезентацией иронии в современной публицистике заключается в полисемиотичности последней — ирония репрезентирована не только в вербальном ряде сообщения, но и в визуальном: в фотографиях, вставках (врезках), графическом оформлении материала. В качестве иллюстрации можно привести подписи к фотографиям в креолизованной, многокомпонентной подборке об А. Чубайсе под общим заголовком «Во всем виноват Чубайс» («Экспресс газета», № 23 (1320), 08.06.2020), которую можно считать комплексным портретом чиновника. Следует отметить, что иронический портрет чиновника, как и в предыдущих случаях, полифоничен, так как дается с разных точек зрения: самого А. Чубайса, автора-журналиста, а также анонимных субъектов — авторов прозвищ. Приведем примеры взаимодействия верbalного и визуального рядов в данной публикации.

1. Номинации и самоназвания политика (врезки и подписи к центральной фотографии А. Чубайса, имеющие негативно-оценочную направленность):

- Я просто **антинародный**. Абсолютно. Это у меня с детства. И уже ничего с этим не поделать. Анатолий Чубайс (интенция — создание контекста самодискредитации).

2. Прозвища Анатолия Борисовича: *Антошка, Баучер, Баучеризатор, Дезинтегратор СНГ, Железный Дровосек, Завлаб, Ржавый Толик, Рыжий Черт, Чубайчер* (интенция — создание смехового эффекта).

3. Заголовки к графически оформленным информационным сообщениям, входящим в подборку (интенция — актуализация негативно-оценочного значения):

- *От широты душевной/За сколько приватизированы гиганты советской индустрии;*
- *Бесславные вехи;*
- *Преступление века/Схема залоговых аукционов.*

4. Подписи к фотографиям (интенция, аналогичная предыдущей):

- *Баучерная авантюра разорила большинство россиян;*
- *Правление Чубайса и его сторонников привело к чудовищной маргинализации России;*
- *Последствия страшной аварии на Саяно-Шушенской ГЭС.*

Таким образом, литературное и публицистическое воспроизведение образа представителя власти может иметь формы шутки, насмешки, гнева, возмущения, негодования. В свою очередь, текстовое представление однотипного содержания имеет, на наш взгляд, известное сходство и определенное разнообразие, в зависимости от дискурсивной принадлежности текста. К сходным чертам представления ликов власти можно отнести прежде всего полифоничность текстов: комическое подается с разных точек зрения, «озвучивается» разными голосами. К различиям относятся употребление широкого спектра литературных приемов в художественном тексте, а в публицистике — широкое обыгрывание фигуры чиновника в национальных ситуациях смехового общения. Кроме того, созданию комического эффекта в публицистике в большей степени, чем в литературе, способствует возросшая степень дискретности публицистического текста и визуальные возможности заголовочного комплекса, позволяющие интенсифицировать оценочный потенциал вербального ряда сообщения.

СЛОВАРИ

1. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. — Москва : Просвещение, 1974. — 509 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. — 800 с. — Текст : непосредственный.
2. Ворошилова, М. Б. Пятая ветвь власти: функции политического юмора / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосред-

ственный // Образование и наука : материалы 4-й рег. науч.-практ. конференции (Новоуральск, апр. 2010) / УрГПУ. — Новоуральск : [б. и.], 2010. — С. 113–116.

3. Горячева, М. С. Сатира Салтыкова-Щедрина / М. С. Горячева. — Москва : Просвещение, 1976. — 239 с. — Текст : непосредственный.

4. Ермакова, О. П. Ирония и ее роль в жизни языка / О. П. Ермакова. — URL: http://modernlib.ru/books/olqa_pavlovna_ermakova. — Текст : электронный.

5. Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики / М. Р. Желтухина. — Москва : Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2000. — 264 с. — Текст : непосредственный.

6. Зарецкая, Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. — Москва : Дело, 1998. — 480 с. — Текст : непосредственный.

7. Карасик, В. И. Языковое проявление личности / В. И. Карасик. — Волгоград : Парадигма, 2014. — 450 с. — Текст : непосредственный.

8. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : моногр. / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — Текст : непосредственный.

9. Кожин, А. Н. Язык Н. В. Гоголя : учеб. пособие / А. Н. Кожин, Э. А. Веденяпина, Н. А. Кожевникова. — Москва : Высшая школа, 1991. — 176 с. — Текст : непосредственный.

10. Ляпун, С. В. Ирония в газетной публицистике конца ХХ — начала ХХI веков: стилистический прием и стилевая тенденция / С. В. Ляпун. — Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2, Филология и искусствоведение. — 2009. — № 1. — С. 115–120.

11. Макашин, С. Салтыков-Щедрин / С. Макашин. — Москва : Гослитиздат, 1949. — 512 с. — Текст : непосредственный.

12. Плоткин, Л. А. О путях развития русской сатиры: вступительная статья / Л. А. Плоткин. — Текст : непосредственный // Русская сатира XIX — начала XX века. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во художествен. литературы, 1960. — С. 31–32.

13. Успенский, Б. А. Семиотика искусства / Б. А. Успенский. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. — 360 с. — Текст : непосредственный.

14. Цуладзе, А. Политические манипуляции, или Покорение толпы / А. Цуладзе. — Москва : Книжный дом «Университет», 1999. — С. 86–87. — Текст : непосредственный.

15. Шилихина, К. В. Семантика и pragmatika вербальной иронии / К. М. Шилихина. — Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014. — 304 с. — Текст : непосредственный.

DICTIONARIES

1. Timofeev, L.I. & Turaev, S.V. (Eds-comp.) (1974). *Dictionary of literary terms*. Moscow: Entightenment, 509 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M. (2002). *Problemy poetiki Dostoevskogo. Raboty 1960–1970 gg.* [Problems of Dostoevsky's poetics. Works of 1960–1970]. Moscow: Russian dictionary, Languages of Slavic cultures, 800 p. (In Russ.)

2. Voroshilova, M.B. (2010). Pyataya vety' vlasti: funktsii politicheskogo yumora [The fifth branch of government: the functions of Political Humor]. In *Science and Education: materials of the 4th reg. scientific-practical conferences* (Novouralsk, April 2010, pp. 113–116). Novouralsk: Ural St. Ped. Univ. (In Russ.)

3. Goryacheva, M.I. (1976). *Satira Saltykova-Shchedrina* [Satire of Saltykov-Shchedrin]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 239 p. (In Russ.)

4. Ermakova, O.P. (n.d.). *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and the role in the life of language]. Retrieved from http://modernlib.ru/books/olqa_pavlovna_ermakova (In Russ.)

5. Zheltukhina, M.P. (2000). *Komicheskoe v politicheskem diskurse kontsa XX veka. Russkie i nemetskie politiki* [The Comic in Political Discourse of the Late Twentieth Century. Russian and German Politicians]. Moscow, Volgograd: Publishing house of the VF MUPK, 264 p. (In Russ.)

6. Zaretskyan, E. (1998). *Ritorika: teoriya i praktika rechevoy kommunikatsii* [Rhetoric: theory and practice of speech communication]. Moscow: Delo, 480 p. (In Russ.)

7. Karasik, V.I. (2014). *Yazykovoe proyavlenie lichnosti* [Linguistic manifestations of personality]. Volgograd: Paradigma Publ., 450 p. (In Russ.)
8. Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The linguistic circle: personality, concepts, discourse] [Monograph]. Volgograd: Changes, 477 p. (In Russ.)
9. Kozhin, A.N., Vedenyapina, E.A., & Kozhevnikova, N.A. (1991). *Yazyk N. V. Gogolya* [The Language of N. V. Gogol] [Study manual]. Moscow: Higher School, 176 p. (In Russ.)
10. Lyapun, S.V. (2009). Ironiya v gazetnoy publisistike kontsa XX — nachala XXI vekov: stilisticheskiy priem i stilevaya tendentsiya [Irony in newspaper journalism of the late twentieth and early twentieth centuries: stylistic technique and stylistic trend]. *Proc. of Adygeisk State University, Ser. 2. Philology and Art History, I*, 115–120. (In Russ.)
11. Makashin, S. (1949). *Saltykov-Shchedrin*. Moscow: Goslitizdat, 512 p. (In Russ.)
12. Plotkin, L.A. (1960). O putyakh razvitiya russkoy satiry [On the paths of development of Russian satire] [Introductory article]. In *Satire of the nineteenth century — twentieth century* (pp. 31–32). Moscow, Leningrad: State Publishing House of Art. lit. (In Russ.)
13. Uspensky, B.A. (1995). *Semiotika iskusstva* [Semiotics of art]. Moscow: School “Culture of the Russian language”, 360 p. (In Russ.)
14. Tsuladze, A. (1999). *Politicheskie manipulyatsii, ili Pokorenie tolpy* [Political manipulation, or the Conquest of the Crowd] (pp. 86–87). Moscow: University Book House. (In Russ.)
15. Shilikhina, K.V. (2014). *Semantika i pragmatika verbal'noy ironii* [Verbal Semantics of irony and pragmatics]. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS, 304 p. (In Russ.)